БУЛОЧКА
и ПРАЗДНИЧНАЯ ОХОТА

КАТЯ МАТУШ

Катя Матуш

Булочка и праздничная охота

https://litres.ru/74745682
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если окна твоей новой пекарни заслонили пушистыми ёлками, их суровый хозяин-урговец с медвежьими повадками совершенно не понимает сарказма, а твоя собственная кошка Булочка вместо мышей начала воровать с базара деревянные игрушки? Конечно же, печь солёные булочки с тмином на примирение и ждать весны! Нежная зимняя сказка с ароматом хвои и корицы — о добрых приметах, забавных поверьях и самом простом предлоге, чтобы вернуться.

Катя Матуш
Булочка и праздничная охота

Глава 1. Еловая чаща

Зимний Беллмар полнился приметами. Здесь верили, что хлеб, испечённый до рассвета в первый день зимы, сбережёт дом от голода на весь год, а пойманная носом первая снежинка до весны спасёт от хрипоты. Ещё горожане обожали новогоднюю арифметику: высчитывали счастливое число по голубям и сосулькам на ратуше, попутно отмораживая пальцы на удачу.

Поверий в Беллмаре было несчётное множество, но Маргарет подходила к ним крайне избирательно. Конечно, пару раз она тоже считала сосульки, но в основном ей нравились те приметы, по которым требовалось печь хлеб, оставлять блюдце молока домашнему духу или класть под порог медную монетку. Другую часть суеверий она решительно игнорировала. Например, смело стригла волосы по четвергам, смотрелась в зеркало после полуночи и пересчитывала сдачу, полученную от рыжего человека. И, как и все в городе, пыталась вписать в его историю новые традиции.

«Не купил у Маргарет хлеба с утра? Весь день Булочке

под хвост!»

Свою пекарню она открыла в начале зимы, за двадцать семь дней до Нового года. Место досталось хорошее: на пересечении Медной улицы и переулка Старых Фонарей, в доме с узким фасадом, большими окнами и черепичной крышей, похожей на нахлобученную набок шляпу. Здесь она и жила, и трудилась, и создавала новые поверья.

Часто по утрам Маргарет спускалась вниз ещё в ночной рубашке, разжигала печь, ставила греться воду и открывала ставни. Город за окнами медленно проступал из синей предрассветной темноты, а она замешивала тесто и с упоением ждала первого покупателя.

Не сказать, что Маргарет жила богато. Пока что вся выручка уходила на продукты и заделку дыр в стенах и крыше. От сквозняков не спасали ни подковы над дверью, ни веники по углам. Все в её пекарне казалось куда старше местных поверий.

Особенно печь, покосившаяся каменная конструкция с медными дверцами и двумя изваяниями голубей над дымоходом. Прежний хозяин уверял, будто птицы зачарованы и предупреждают о пожаре. Только Маргарет уже дважды прожигала полотенце и один раз забыла внутри противень с имбирными коржиками, но ни один голубь даже не курлыкнул.

Благо в доме был другой зачарованный зверь, который недовольно мяукал, стоило пригореть хотя бы крошке.

— Вот уж на кого можно положиться, — говорила Мар-

гарет, поглядывая на Булочку, и та всегда с ней соглашалась.

Булочка, кошка преклонного возраста, рыжеватая, с коричневыми полосочками на спине, очень походила на свежеиспечённый хлеб, за что однажды и получила свое имя. Маргарет нашла её четыре года назад под телегой возле мельницы. Уже тогда Булочка выглядела пожилой, рассудительной и слегка недовольной жизнью. С тех пор она немного окрепла, раздобрела, но характером почти не изменилась.

Для неё у витрины стояла плетёная корзинка с бордовой подушкой, откуда Булочка наблюдала за посетителями, снегом и булыжной мостовой. Иногда она засыпала, свесив лапку через край, и прохожие останавливались перед стеклом не ради миндальных коржиков или медовых кренделей, а чтобы полюбоваться пушистым сопящим комочком.

Маргарет это не слишком задевало.

Булочка работала бесплатно, а значит, имела право привлекать покупателей любым удобным способом, ведь вывеска над дверью с этим не очень справлялась.

«ДОБРОЕ ТЕСТО»
ПИРОГИ, ХЛЕБ, БУЛОЧКИ
Кошку не кормить

Последнюю строку Маргарет дописала сама, после того как хозяйка чулочной лавки угостила Булочку кусочком колбасы, мясник — печенью, мальчик-посыльный — половиной рыбного пирога, а преподаватель риторики из городской академии сдобрил все это сливочным кремом. После такого

пиршества Булочка неделю лежала у печи, вздыхала и отказывалась даже смотреть на еду.

Поначалу дела в пекарне шли не слишком бойко. Беллмарцы относились к новым заведениям с осторожностью, словно вместо пирогов там могли продавать проклятия. Они заглядывали в окно, читали вывеску, рассматривали Маргарет, оценивали Булочку и уходили. Подумать.

Но через неделю портной, проживающий напротив, попробовал грушевый пирог. На следующий день привёл жену. Жена привела сестру. Сестра состояла сразу в трёх городских обществах, и уже к вечеру Маргарет знала, что председательница общества разумных вдов не ест орехи, казначейша клуба любителей лилий обожает шоколад, а супруг госпожи Брокк приходит за пирожными, только когда сама госпожа Брокк уезжает к матери.

К середине месяца пекарня стала приносить небольшой, но честный доход. А затем в город пришли морозы, и всем уже не терпелось согреть ладони о свежую выпечку, а Маргарет — залатать очередные дыры. К слову, новогодние букетики с корицей и куриными косточками тоже от них не спасали.

Снег падал мягкий, густой, похожий на муку, просеянную через небесное сито. На крышах выросли белые шапки, водосточные трубы обросли сосульками, а мостовая каждое утро начинала новую жизнь, совершенно чистую и невинную, прежде чем по ней проезжали первые телеги.

Приближался Новый год.

На площади у ратуши установили часы с двенадцатью позолоченными птицами. В лавках появились свечи, засахаренные каштаны, ореховые человечки и маленькие пряничные домики с крышами, политыми белой глазурью. Фонарщики подвесили между домами гирлянды из синих стеклянных звезд, и каждый вечер город становился немного наряднее.

Маргарет тоже готовилась. Она пекла коричные венки, имбирных оленей, пироги с клюквой и апельсиновой цедрой, заворачивала леденцы в золотистую бумагу и ругала себя за то, что согласилась принять двадцать заказов на один день.

— Мы справимся, — убеждала она Булочку, и та лениво фыркала, пристраивая мордочку на мысок хозяйского ботинка. — Очень приятно знать, что ты в меня веришь.

Каждое предпраздничное утро теперь начиналось одинаково и не с чая, но Маргарет любила свое дело: еще будучи неуклюжей девчонкой, проводила с тестом больше времени, чем с платьями и куклами. Благо, если очень понадобится, из теста можно слепить и дворец, и принца.

Ох уж эти местные принцы… Маргарет своего первого принца встретила в семнадцать лет, после чего печёные человечки начали нравиться ей еще больше. По крайней мере им не нужно кланяться и платить налоги.

Зевнув, Маргарет привычным движением накинула на плечи кофту. Ветер перебирал черепицу, в печной трубе

негромко гудело. Ничто не падало, не горело и не требовало немедленного вмешательства, а значит, куриные косточки хоть немного, но работают.

«Три пирога, четыре рулета, пять наборов печенья», — перечисляла Маргарет в уме, сбегая по скрипучим ступеням. Она провела ладошкой над печкой, в которой еще тлели угольки, и пошла к окнам. Ставни, державшиеся на одной петле, легко поддались.

Маргарет медленно отступила на шаг, упёрла руки в бока и окинула витрину взглядом.

— Это что ещё…

Булочка уткнулась носом в окно и вздыбила шерсть. Ели теснились перед окнами пекарни так плотно, что за мохнатыми зелёными ветвями не было видно ни улиц, ни соседних домов, ни даже утреннего неба. Некоторые деревья были выше первого этажа. Другие, маленькие и пушистые, доходили Маргарет до плеча. С веток осыпался снег, застревая в хвое пушистыми клочьями, и перекрывал даже те мелкие прорехи, что ещё оставались.

Булочка медленно повернула мордочку к хозяйке, и та раздраженно буркнула:

— А я откуда знаю?

Маргарет запахнула кофту и приоткрыла дверь. Колокольчик над ней звякнул, и в пекарню ворвался морозный воздух с запахом снега и смолы. То, что из окна казалось просто кучей веток, на улице обернулось непроходимой ело-

вой чащей. Маргарет еще с минуту переводила взгляд с одной ёлки на другую, прежде чем наконец-то вспомнила о ярмарке. Еще месяц назад она с предвкушением ждала её начала, но почему-то и подумать не могла, что хвойный базар обоснуется тут.

Булочка высунула нос на улицу и тотчас попятилась обратно.

Ярмарка начиналась от угла дома, захватывала весь тротуар и заканчивалась где-то у водостока на противоположной стороне перекрестка. На некоторых деревьях висели красные ленты, на других — деревянные таблички с ценой. И все бы ничего, Маргарет была не против такого соседства, но её витрина скрылась за зелёными лапками, а одна особенно наглая ёлка упиралась пушистой макушкой прямо в вывеску «Доброго теста», словно пыталась прочесть, чем тут торгуют.

Да с таким соседством никто, кроме ёлок, в её пекарню до следующего года не заглянет!

Маргарет не любила скандалить. В детстве матушка часто говаривала, что у неё терпение каменной ограды. Правда, отец обычно добавлял, что однажды ограда может рухнуть кому-нибудь на голову, но до этого доходило редко.

— А ну-ка! — приговаривала девушка, хватаясь за первую ёлку.

Деревья оказались тяжёлыми, но Маргарет выросла в семье, где было четверо детей, сад, две козы и отец, считавший,

что лучшим методом воспитания характера является переноска мешков. Она отодвинула одну ель, вторую, потом третью и наконец расчистила перед окнами широкий проход.

С улицы снова стало видно витрину, коричные венки и Булочку, которая, вернувшись в корзинку, немедленно уснула.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала Маргарет, — и никто не пострадал…

Оживление на улице нарастало с каждым часом, и уже к полудню в печь отправилась третья партия пирожков, ведь выбор ёлки — занятие ответственное и очень долгое, особенно когда хвойный товар привозили урговцы, жители северных лесов за рекой Линдой.

Они были вежливы, крепки и волосаты. Не настолько волосаты, чтобы их можно было принять за медведей, но достаточно, чтобы при виде их беллмарские цирюльники испытывали профессиональное воодушевление: у мужчин густые волосы нередко спускались по шее до лопаток, а на предплечьях рос мягкий бурый или золотистый мех. У женщин он был тоньше, зато бровям любой урговки могла позавидовать и знатная столичная красавица.

Говорили, будто урговцы произошли от союза лесного великана и дочери дровосека. По другой версии великанов в их родословной не было, а слухи распустил когда-то обманутый торговец расческами.

Каждый год они привозили в Беллмар ели, смолу для

ламп, мёд, резные игрушки и шишки серебряной сосны, которые трещали в огне, показывая людям забавные сны. Маргарет прежде не имела с ними дел, но, когда следующим утром перед её витриной снова вырос лес, выбора не оставалось.

Булочка лежала на подушке, прижав уши, и с выражением глубокой обиды смотрела на заснеженную хвою. Маргарет раздосадованно покачала головой и потянулась за пальто. Главное, не уронить своё негодование кому-нибудь на голову…

Еловый базар развернулся за углом. Вдоль переулка стояли деревья, связанные попарно, мешки с хвоей и ящики со всякой всячиной. У стены соседнего дома урговцы соорудили большой шатёр из плотного зелёного полотна, над входом в него торчала деревянная голова оленя, украшенная колокольчиками.

Возле шатра спорили двое урговцев. Они держались за концы верёвки, а между ними, обмотанная этой верёвкой, стояла особенно широкая ель.

— Доброе утро. — Маргарет дождалась, пока они удостоят её внимания, и сразу продолжила: — Мне нужен главный в этом лесу.

Урговцы переглянулись, и тот, что был ближе, большим пальцем указал за спину Маргарет.

Она обернулась.

Мужчина подошёл так тихо, что снег вокруг его сапог ка-

зался нетронутым. Он был молод — лет тридцати, может, немного старше, высок и широк в плечах. Тёмно-русые волосы доходили до воротника, бакенбарды были гуще, чем полагалось по беллмарской моде, а предплечья покрывал короткий буроватый мех. Длинный лесной кафтан из тёмно-зелёного сукна, перехваченный кожаным поясом, выглядел скорее по-летнему, но мех явно был не просто украшением, как и закреплённые на поясе нож, моток верёвки и маленький медный свисток. А еще у мужчины был топор. Огромный топор, который он держал на плече так легко, словно это была прогулочная трость.

Урговец неподвижно смотрел на Маргарет, и в какой-то момент она решила, что он оценивает, насколько съедобна эта низкорослая кучерявая девчонка. Конечно, людей урговцы не ели, все же сами были почти людьми, но хищный взгляд не скрывали даже спадающие на глаза густые брови.

Маргарет поёжилась и отступила на шаг. Ругаться не хотелось и до этого, а при виде топора она и вовсе забыла, зачем пришла. Растрёпанная, в ночной рубашке... Быть может, стоило взять хотя бы скалку? Она вряд ли спасла бы от топора, но уверенности точно поприбавила бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.